

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

Дела. Наброски карандашом

*Часть сборника
Детство Тёмы (сборник)*

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Дела. Наброски карандашом

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=622085
Детство Тёмы: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15448-7*

Аннотация

«Май, яркое умытое утро. Солнце ищет молодую зелень травы, но она еще долго будет прятаться под надежным покровом развесистых, тенистых деревьев...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Гарин- Михайловский

Дела

Наброски карандашом

I

Май, яркое умытое утро. Солнце ищет молодую зелень травы, но она еще долго будет прятаться под надежным покровом развесистых, тенистых деревьев.

По укатанному шоссе Царского Села идут и едут: девятичасовой поезд, уносящий в летний душный Петербург всякого рода чиновничий люд на весь день, уже дает повестку длинным, протяжным свистком из Павловска.

На вокзале и под навесом платформы сильнее чувствуется бодрящая прохлада свежего утра. Лица отдохнувшие, почти удовлетворенные, – нечто вроде хорошенько вычищенного, поношенного все-таки платья.

Шляпы, котелки, цилиндры, всевозможных цветов военные фуражки.

Поезд подошел, с размаху остановился, выпустил пар, – зашумел и зашипел, – а в вагоны торопливо стали входить

один за другим пассажиры.

Большинство ищет уютного уголка, спешит его занять, вынимает прежде всего портсигар, закуривает папиросу, затем разворачивает свою любимую газету и погружается в чтение, не упуская из виду, Впрочем, и окружающей его обстановки. По расписанию дня это время переезда назначено для газеты, и надо прочесть ее всю, хотя бы для того, чтобы знать все и потом с одного слова понимать, о чем пойдет в своем кружке речь. Понимать и отвечать по разным, большею частью мелким злобам дня.

Есть, Впрочем, и серьезные любители чтения, и нет-нет какой-нибудь господин третьего класса в очках, с внимательным серьезным взглядом и вынет из кармана номер более серьезной газеты и погрузится в него. Еще реже попадают люди с журналами в руках: для получасового чтения журнал слишком тяжелая вещь, да еще летом, да еще с утра, перед департаментской работой, где и обязательного, серьезного столько предстоит.

Поезд уже у Рогатки, остановился на мгновение, свистнул и помчался дальше.

На площадке третьего класса счастливая, ветром растрепанная парочка: она, вероятно, курсистка или консерваторка, он – мало думающий о своем туалете, студент, – у них обязательных дел нет, и они счастливы, или, вернее, их лица беззаботны и далеки еще от тех складок и напряженных взглядов, которые явятся уже потом, в жизни.

Эту тягость жизни уже начинает, очевидно, чувствовать господин, сидящий у окна второго класса.

Он туповато смотрит в окно, мимо против него сидящей в большой шляпе, не старой, но и не молодой уже дамы, — очевидно, его сожительницы.

Очевидно, потому что интереса на лицах их нет: равнодушные, апатия. Глядя на них, так и видишь приготовленный уже карточный стол, партию раз навсегда дозволенных, с обоюдного — во избежание глупых ссор — согласия партнеров, легкую закуску в столовой: тогда им обоим не такой скучной покажется жизнь на свете, а временами, после удачной игры, лишней рюмки, перед перспективой заснуть и забыть все и вся и даже самого себя — даже и совсем хороша эта жизнь.

В первом классе, в отделении для некурящих сидят дамы и их мужья — уже большею частью в том возрасте, когда разговоры о любви и нежных чувствах так же к лицу, как летнее платье в тридцатиградусный мороз. В этом отделении чопорно и скучно: для этих жизнь уже вылилась, очевидно, в недостижимую для многих и неинтересную для всех, кроме их самих, скучную форму всевозможных этикетов хорошего тона: смотреть так, а не так; одеваться именно так, а не так. И так, а не так, — все это в свое время незаметно и без сожаления сойдет вместе с их владельцами со сцены, не оставив никакого следа.

До этих, впрочем, следов времени никакого дела нет в от-

делении первого класса для курящих.

Там жизнь данного мгновения, и следы его налицо, облака дыма, всегда бодрый, довольный кружок кавалеристов и разговоры о скачках, маневрах, мотивы последних шансонеток. В углу вагона остаток ночи: две вольных подруги в кружевах и шляпках громадных размеров, напудренные, а может быть, и подкрашенные. Они жадно ловят слова, движения и взгляды молодых военных, но те только изредка скользят пренебрежительно куда-то мимо. Они довольны и этим и с протестующим высокомерием отводят глаза от двух не сводящих с них глаз штатских.

– Ох-хо-хо! – потягивается, заломив руки за плечи, высокий и широкоплечий, статный, как статуя Аполлона, белокурый гусар.

– Что? – одобрительно спрашивает его более пожилой товарищ.

– Спать хочется, – добродушно и смущенно признается белокурый гусар.

И все смеются, точно выдан секрет, и сквозь пудру краска удовольствия покрывает лицо одной из дам, и она смотрит в окно, стараясь не видеть и в то же время ловя боковые взгляды молодой компании.

В другом углу отделения забились двое чиновных и ведут неспешный разговор. Один – довольный, важный, другой – нервно, напряженно смотрящий в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.